

32. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 279-З: в ред. от 27 дек. 1999 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2013.

33. О третейских судах: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г. № 301-З: в ред. от 13 дек. 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2013.

34. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 18.07.2004 г. № 305-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2013.

Статья поступила в редакцию 20.12.2013 г.

Т.С. Таранова
доктор юридических наук, доцент
Н.И. Ивуть
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПРАВА

В статье приводится критический анализ различных точек зрения относительно места международного гражданского процессуального права в системе права. Отмечается, что в настоящее время в Республике Беларусь назрела необходимость — как в области доктрины, так и в области практики и нормотворчества — в выделении международного гражданского процесса в самостоятельную отрасль права, а также в необходимости принятия отдельного специального закона «О международном гражданском процессе».

In article is carried out the critical analysis of various points of view concerning a place of the international civil procedural law in the system of law. The authors prove need of allocation of the International civil procedure as independent branch of the law in the Republic of Belarus, both in the field of the doctrine, and in the field of practice and rule-making, and also the need of adoption of the special law «On the international Civil procedure».

Судебная практика свидетельствует, что в последнее время в Республике Беларусь постоянно увеличивается количество гражданских дел с участием иностранного элемента. Большинство этих дел разрешается с использованием норм международного права. Однако при рассмотрении и разрешении дел судами возникают коллизии в процессе применения судом общепризнанных принципов и норм международного права, определении компетентного суда и др. Между тем в рамках международного гражданского процесса (МГП) изучаются не только вопросы судебной защиты, осуществляемой государственными судами, но и некоторые вопросы несудебной защиты прав и законных интересов иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций, международных организаций, иностранных государств (далее — иностранных лиц).

Отсутствие отдельного закона, многообразие источников, а также то, что вопросы международного гражданского процесса изучаются не только учебной дисциплиной «Международный гражданский процесс», но и дисциплинами «Гражданский процесс», «Хозяйственный

процесс», «Международное частное право», — причины дискуссии о месте международного гражданского процесса в системе права. Определение места международного гражданского процесса в системе права имеет важное значение как в теоретическом, так и практическом аспектах. От решения данного вопроса зависят кодификация и систематизация законодательства в данной сфере, правильность применения соответствующих норм, регулирующих процессуальные отношения, осложненные иностранным элементом, а также совершенствование международного гражданского процессуального законодательства.

Термин «международный гражданский процесс», по мнению некоторых авторов, носит условный характер [1, с. 457]. Условность МГП объясняется тем, что споры, вытекающие из гражданских правоотношений, и другие дела с участием иностранных лиц рассматриваются в национальных судах по национальным процессуальным нормам так же, как и другие дела, но с применением правил международного гражданского процесса.

Во многих государствах нормы международного гражданского процесса регулируются законами и кодексами о международном частном праве. В США и Великобритании действуют отдельные законы в области международного гражданского процесса [2, с. 60]. Законы о международном частном праве Грузии, Венгрии содержат правила международного гражданского процесса. Также в Турции действует нормативный правовой акт, равнопосвященный международному частному праву и гражданскому процессу [3, с. 45]. В Китайской Народной Республике принят Закон «О применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом» от 28 октября 2010 г., который закрепил систему норм, регулиющую применение коллизионных норм и применение иностранного права на ее территории [4, с. 14].

В России, Армении, Киргизии, Узбекистане нормы МГП включаются традиционно в национальные процессуальные кодексы и другие нормативные акты, содержащие процессуальные нормы [5, с. 40–42]. В Республике Беларусь также не приняты законы о международном частном праве и международном гражданском процессе. Нормы МГП являются составной частью Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь. Деятельность международного арбитражного (третейского) суда по рассмотрению и разрешению споров в нем регулируется Законом Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде». Нормы, касающиеся установления иностранного права судом, содержатся в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Исследователи, занимающиеся проблемами международного частного права (Т.Н. Нешатаева, М.М. Богуславский, Л.П. Ануфриева и др.), относят МГП к сфере международного частного права (МЧП). Принимается во внимание то обстоятельство, что отнесение МГП к национальному гражданскому процессу не учитывает хозяйственный процесс. Общность международного гражданского процесса и международного частного права обосновывается применением международных инструментов, участием в правоотношениях иностранного элемента. Л.П. Ануфриева, включая международный гражданский процесс в состав международного частного права, выделяет такой критерий, как общность объекта [6, с. 280]. Т.Н. Нешатаева аргументирует свою точку зрения тем, что если гражданские права защищаются или оспариваются в международных судах на основе международных процедур, применяются нормы и вовсе инородные для национального права — нормы международных конвенций и регламентов [2, с. 368].

Описанная позиция по включению МГП в предмет международного частного права является неоднозначной. Ей противоречит существующая в доктрине международного частного права позиция, что объектом международного частного права могут быть только гражданско-правовые отношения международного характера. Отношения, выходящие за рамки граждан-

ско-правовых, уже будут регулироваться нормами других отраслей права [7, с. 68]. По мнению Н.И. Марышевой, отнесение международного гражданского процесса к международному частному праву как отрасли права не может быть поддержано по той причине, что связь с частным правом и трудность отделения гражданских отношений, юридически связанных с различными правовыми порядками, от средств защиты соответствующих прав не изменяют природу норм международного гражданского процесса как особой части процессуального права, регулирующей деятельность судов по рассмотрению конкретных гражданских дел (в данном случае — дел с иностранным элементом) [8, с. 36].

Ученые, критикующие концепцию включения международного гражданского процесса в международное частное право, отмечают, что они имеют различные предметы и методы правового регулирования. Так, предметом в международном частном праве предметом выступают гражданско-правовые отношения, которые осложнены иностранным элементом, а в международном гражданском процессе — деятельность суда по разрешению дел. В то же время Т.Н. Нешатаева высказывает точку зрения, что, поскольку международный гражданский процесс предполагает взаимосвязь и взаимодействие органов различных государств и международных судов, организаций, реализующих функции в области защиты и определения гражданских, суть метода правового регулирования в международном гражданском процессе не отличается от метода правового регулирования в международном частном праве в целом [2, с. 368].

Считается, что в международном гражданском процессе отсутствует коллизионный вопрос. Однако есть противоположное мнение. Х. Шак указывает, что коллизионные процессуальные нормы можно усматривать при определении право- и дееспособности участника процесса, формальной законной силе решения иностранного суда и в некоторых других случаях [9, с. 2]. Подтверждая данное мнение, необходимо указать, что Закон Республики Грузия от 1 октября 1998 г. «О международном частном праве» декларирует отказ от процессуального императива *lex fori*. Первая статья названного закона указывает на возможность наличия процессуальных коллизионных норм и постановки процессуального коллизионного вопроса. Такая формулировка является достаточно редкой. Только венгерский законодатель очертил сферу действия законодательства о международном частном праве и международном гражданском процессе подобным образом [10, с. 55]. Данная концепция содержит новый подход, согласно которому применение иностранного материального права должно происходить в «родных» для него процессуальных категориях. Согласно данной концепции, в международном гражданском процессе также необходимо ставить коллизионный вопрос и при необходимости применять иностранное процессуальное право.

Ученые в области процессуального права зачастую рассматривают МГП как часть процессуального права (В.М. Шерстюк, М.К. Треушников, Т.В. Сахнова, Д.М. Чечот, О.Н. Романова и др.) с учетом того, что нормы о международном гражданском процессе включены в Гражданский процессуальный кодекс и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, тождественны предмет и метод правового регулирования. Рассмотрение и разрешение в судах дел, осложненных иностранным элементом, осуществляется в соответствии с процессуальными нормами страны суда. При рассмотрении дел с участием иностранных лиц действуют общие правила, присущие процессуальному праву, в том числе:

- в гражданском (хозяйственном) и международном гражданском процессе решаются единые задачи: обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела, исполнение судебных постановлений и других актов, подлежащих исполнению, защита прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц;
- единство предмета правового регулирования — деятельность суда и участников про-

цессуальных отношений по рассмотрению и разрешению спора или иного дела, либо по исполнению судебного постановления;

- применяется императивно-диспозитивный метод правового регулирования независимо от того, выступает ли стороной по делу иностранное лицо или граждане и организации Республики Беларусь;

- между субъектами международного гражданского процесса складываются процессуальные отношения, одним из участников которых обязательно является суд;

- общность процедуры — рассмотрение и разрешение дела с участием иностранного элемента происходит по общим правилам гражданского (хозяйственного) процесса, за исключением отдельных вопросов;

- международный гражданский процесс, как гражданский и хозяйственный процесс, относится к публичным отраслям права, в отличие от МЧП.

Имеется и промежуточная концепция, которой придерживаются такие ученые, как И.С. Перетерский, В.П. Звеков и др. Согласно ей, МГП входит, с одной стороны, в МЧП как в науку, а с другой стороны — в гражданский процесс как в отрасль права. В.П. Звеков объясняет отнесение к предмету науки международного частного права также проблем международного гражданского процесса тем, что они имеют общее происхождение, взаимодействие и взаимозависимость материально-правовых и процессуальных институтов [11, с. 543–544]. Однако промежуточная концепция не была воспринята многими, поскольку разъединяет МГП, не определяя его место в системе права.

Близка к вышеуказанной позиции точка зрения, что МГП представляет собой правовой институт, имеющий двойственную принадлежность: одновременно рассматривается как составная часть отрасли гражданского процессуального права и комплексной отрасли международного частного права [13, с. 5].

Выделяется и заслуживает внимания позиция о самостоятельности МГП в аспекте его отраслевой принадлежности. Н.М. Юрова относит международный гражданский процесс к самостоятельной отрасли международного права. Свою позицию она обосновывает тем, что нормы этой отрасли зафиксированы в многочисленных международных документах, имеющих различную юридическую силу, сферу действия, состав участников, характер регулируемых правоотношений и другие параметры. При этом Юрова выделяет две категории: «международный гражданский процесс», под которым понимает деятельность органов и институтов, и «международное гражданское процессуальное право» — совокупность правовых норм [14, с. 8–10].

По мнению Е.А. Осавелюка, МГП является комплексной отраслью международного гражданского процессуального права, которая имеет комплексный предмет (процессуальные отношения, осложненные иностранным элементом и разбросанные по различным отраслям — гражданскому, арбитражному процессу и др.), комплексный метод (применение наряду с методами, присущими процессуальному праву, других: например, решение предварительного вопроса — по аналогии с решением коллизийной проблемы в МЧП). Кроме того, в МГП содержатся пограничные институты, сочетающие элементы процессуального и материального права (иммунитет государства, взаимность и др.), комплексный характер источников (обилие международно-правовых и различных национально-правовых источников, объединенных в единый правовой комплекс) [5, с. 44].

Поддержкой взглядов о самостоятельности международного гражданского процесса как комплексной отрасли права служат следующие обстоятельства.

1. Особенности предмета правового регулирования МГП образуют не только общественные отношения, связанные с отношениями процессуальными, складывающимися между

судом и участниками судопроизводства при рассмотрении дел в государственных судах, но и общественные отношения, возникающие при осуществлении несудебной защиты прав и законных интересов иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций, международных организаций, иностранных государств.

2. Осуществление судебной и несудебной защиты прав и законных интересов усложняется в связи с необходимостью разграничения юрисдикции, выполнением специфичных действий по направлению судебных поручений в другое государство, выяснением содержания иностранного права, дополнительными требованиями к доказательствам, полученным из-за рубежа, особенностями исполнения иностранных судебных решений, необходимостью применения не только национального законодательства, но и международных документов, а в необходимых случаях — и законодательства иностранных государств.

3. Комплексный отраслевой характер влияет на комплексность методов регулирования общественных отношений в сфере МГП, которые не совпадают с другими отраслями права.

4. Развитие отраслевой самостоятельности международного гражданского процесса имеет и практическую значимость для развития международного сотрудничества судов.

5. Законодательство в области МГП формирует микромодель защиты прав и законных интересов иностранных лиц, объединяя блок процессуальных норм и институтов национального цивилистического процесса, касающегося судебной защиты прав и законных интересов различных иностранных лиц, нормы национального законодательства о защите прав и законных интересов указанных лиц органами нотариата. Отдельным элементом данной микромодели выступают нормы, регулирующие частные процессуальные отношения, которые включают правоотношения, складывающиеся при осуществлении защиты прав и законных интересов иностранных участников материальных правоотношений в процессе реализации альтернативных способов разрешения споров (медиация (посредничество), третейские суды). Рассматриваемая модель включает и положения международного права, в частности регулирующие порядок осуществления международной правовой помощи и правовых отношений цивилистической направленности.

6. Самостоятельность отрасли МГП связана с совокупностью международных норм, законодательных актов, источников права, обеспечивающих регулирование МГП не только в сфере публичного, но и частного процессуального права. По мнению, высказанному еще два столетия тому назад Т.М. Яблочковым, международный гражданский процесс испытывает большее влияние со стороны публичной власти каждого суверенного государства, чем международное частное право [11, с. 43].

7. Существуют особенности правоотношений, складывающихся в рамках МГП. Н.Ю. Ерпылева и М.Н. Клевченкова считают, что при исполнении судебных поручений иностранных судов возникают правоотношения, имеющие процессуальный (между запрашиваемым учреждением юстиции и лицами, в отношении которых выполняются действия в порядке оказания международной правовой помощи), международно-правовой (между субъектами международной правовой помощи: между запрашиваемым и запрашивающим судом, между запрашивающим судом и центральным учреждением юстиции другого государства, между центральными учреждениями юстиции двух государств), а также административный характер (возникают между судом или другим учреждением юстиции, исполняющим поручение иностранного учреждения и его вышестоящим органом, (например, суд — министерство юстиции) [15, с. 31].

Выделяя международный гражданский процесс в качестве самостоятельной отрасли национального права, считаем, что в настоящее время в Республике Беларусь назрела необхо-

димось в принятии отдельного закона «О международном гражданском процессе». Данный закон обеспечивал бы единство терминологии, системное регулирование широкой группы общественных отношений в данной сфере, реализующих их специфику и соответствующие методы правового регулирования, а также непротиворечивость этой отрасли с иными отраслями и институтами права и законодательства.

Литература

1. Арбитражный процесс: учеб. / А.В. Абсалямов [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. — М.: Волтерс Клувер, 2005.
2. *Нешатаева, Т.Н.* Международный гражданский процесс: учеб. пособие / Т.Н. Нешатаева. — М.: Дело, 2001.
3. *Касаткина, А.С.* Кодификация международного частного права Турции / А.С. Касаткина // Законодательство и экономика. — 2011. — № 2. — С. 44–53.
4. *Литвинова, С.Ф.* Особенности правового регулирования применения коллизионных норм и применения иностранного права в КНР / С.Ф. Литвинова // Междунар. публич. и частн. право. — 2011. — № 2. — С. 13–16.
5. *Осавелюк, Е.А.* К вопросу о месте международного процессуального права в системе российского права / Е.А. Осавелюк // Арбитр. и гражд. процесс. — 2003. — № 11. — С. 40–45.
6. *Ануфриева, Л.П.* Международное частное право: учеб.: в 3 т. / Л.П. Ануфриева. — М.: БЕК, 2001. — Т. 3.
7. *Аверина, К.Н.* Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом / К.Н. Аверина // Междунар. право и междунар. организации. — 2012. — № 4. — С. 67–76.
8. *Марышева, Н.И.* Вопросы кодификации норм международного гражданского процесса в России / Н.И. Марышева // Журн. рос. права. — 2004. — № 6. — С. 35–46.
9. *Шак, Х.* Международное гражданское процессуальное право: учеб.: пер. с нем. / Х. Шах. — М.: БЕК, 2001.
10. *Ерпылева, Н.Ю.* Кодификация международного гражданского процесса в Республике Грузия / Н.Ю. Ерпылева, И.В. Гельтман-Павлова // Государство и право. — 2012. — № 10. — С. 54–65.
11. *Боннер, А.Т.* История развития отечественной гражданской процессуальной мысли / А.Т. Боннер, Д.А. Фурсов // Арбитр. и гражд. процесс. — 2012. — № 3. — С. 42–47.
12. *Звеков, В.П.* Международное частное право: учеб. / В.П. Звеков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2004.
13. *Здрок, О.Н.* Гражданский процесс зарубежных стран: курс лекций / О.Н. Здрок. — Минск: БГУ, 2004.
14. *Юрова, Н.М.* Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации / Н.М. Юрова. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
15. *Ерпылева, Н.Ю.* Правовая помощь в международном гражданском процессе / Н.Ю. Ерпылева, М.Н. Клевченкова // Арбитр. и гражд. процесс. — 2011. — № 11. — С. 30–33.

Статья поступила в редакцию 22.12.2013 г.

Т.В. Телятицкая

кандидат юридических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

В.А. Русак

магистр юридических наук

Академия МВД (Минск)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье на основе анализа законодательства ряда государств, определяющего правовой статус трудящихся-мигрантов на их территориях, сформулированы предложения по совершенствованию действующих нормативных правовых актов Республики Беларусь в данной сфере общественных отношений.

In article the analysis of the several states legislation defining legal status of migrant workers in their territories is carried out. On the basis of the carried-out analysis suggestions for improvement of existing regulations of Republic of Belarus in this sphere of the public relations are formulated.

В рамках Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь планируется увеличение численности населения страны, в первую очередь — трудоспособного, за счет прибытия в нее на протяжении 2011–2015 гг. не менее 60 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства [1]. Стоит отметить, что данная программа успешно реализуется на протяжении 2011–2013 гг. [2].

Согласно Конвенции Международной организации труда 1949 г. «О трудящихся-мигрантах», термин «трудящийся-мигрант» означает лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу, иначе чем на собственный счет, и включает всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве трудящегося-мигранта [3, ст. 11].

На постсоветском пространстве дефиниция «трудящийся-мигрант» нашла отражение в нескольких нормативных правовых актах международного характера. Так, кишиневская Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ определяет трудящегося-мигранта как гражданина одной из договаривающихся сторон или лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории одной стороны на законном основании занимающееся оплачиваемой трудовой деятельностью на территории другой стороны, гражданином которой оно не является и в которой постоянно не проживает [4].

Трехстороннее Соглашение между Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Казахстаном о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей указывает на трудящегося-мигранта как на лицо, являющееся гражданином государства одной из сторон, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства другой стороны, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает [5].

С целью защиты общего рынка труда в пределах территории Таможенного союза от мигрантов из третьих стран сторонами был предпринят ряд мероприятий в этом направлении. Ключ-